

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию: в 2 т. М., 1963–1964. Т. 1.
2. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977.
3. Кузьмичев В.А. Печатная агитация и пропаганда. М., Л. 1930.
4. Задорнов М.Н. Ассортимент для контингента // Огонек. 1988. № 15.
5. Лысакова И.П. Тип газеты и стиль публикации. Опыт социолингвистического исследования. Л., 1989.
6. Долинин К.А. Стилистика французского языка. М., 1987.
7. Лысакова И.П. Пресса перестройки. СПб., 1993.
8. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
9. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
10. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968.
11. Зимняя И.А. Опережающее отражение в речевом поведении // Иностранные языки в высшей школе. 1974. Вып. 8.

Л.Г. Ефанова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕЧИ И ТЕКСТЕ

Томский государственный педагогический университет

Фразеологическими трансформациями называются такие окказиональные изменения в форме и/или значении устойчивых сочетаний слов, которые позволяют сохранить единство фразеологизма, т.е. оставляют его узнаваемым.

Изменения в структуре и значении фразеологических оборотов, как и образование новых языковых единиц с использованием структурно-семантических моделей уже существующих фразеологизмов или на основе входящих в их состав слов, в настоящее время находятся в поле зрения многих исследователей. Такие изменения фразеологических единиц (ФЕ) происходят как вследствие исторического развития языка, так и в результате окказионального преобразования фразеологизмов. В то время как исторические изменения в составе ФЕ являются предметом этимологических исследований, при изучении окказионализмов наибольшее внимание уделяется приемам индивидуальной авторской обработки и употребления фразеологических оборотов в текстах художественных и публицистических произведений (см., напр.: [1, 2, 3]), где фразеологические трансформации рассматриваются как средство создания комического и как форма языковой игры [4, 5, 6], в аспекте выражаемых трансформированными ФЕ прагматических смыслов [7] и в связи с проблемой адекватного перевода художественного текста с одного языка на другой [5, 8, 9]. Разнообразные структурные и семантические преобразования ФЕ свойственны не только художественной и публицистической речи, но распространены в некоторых субкультурах и также являются предметом лингвистических исследований [10].

Одним из перспективных направлений в изучении как окказиональных, так и исторических преобразований ФЕ является их анализ с точки зрения системных особенностей фразеологизмов, поскольку ФЕ обладают набором свойств, делающих возможными изменения в структуре и семантике этих единиц без разрушения их целостности и в то же время определяющих особое место фразеологизмов в системе языка. В числе этих особенностей следует назвать такие отмеченные уже первыми исследователями ФЕ свойства, как устойчивость морфологического и синтаксического строения, воспроизводимость сочетания в определенном лексико-грамматическом составе [11, с. 89–90], а также членимость, т.е. сохранение внешних границ между частями фразеологизма [12, с. 25]. Грамматическая расчлененность делает возможными разнообразные структурные и комбинаторные изменения в их составе, в то время как свойства воспроизводимости и устойчивости вместе с присущей фразеологии в целом системной консервативностью и невосприимчивостью к языковым изменениям [13, с. 5] препятствует, по крайней мере в узуальном употреблении, таким изменениям.

В числе причин, обуславливающих свойства воспроизводимости и устойчивости фразеологизмов, Ф. де Соссюр называл особенности их значения [14, с. 157]. Современные исследователи выделяют среди этих особенностей, во-первых, «признак целостности, нерасчлененности значения, который проявляется в том, что значение фразеологического сочетания не выводится из значений составляющих его слов, не является суммой этих

значений» [15, с. 133–134], и во-вторых, то, что ФЕ «воспроизводятся в речи в узуально закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [16, с. 605]. Вследствие жесткой закрепленности значения фразеологического оборота за определенным сочетанием слов или словоформ «любая модификация в составе фразеологизма осознается говорящим как новообразование, лежащее за пределами системы языка точно так же, как и неологизмы лексические» [3, с. 24]. По этой причине трансформированные ФЕ приобретают новые экспрессивные свойства, которые позволяют использовать их в стилистических целях.

Особенности стилистической окраски и степень выразительности трансформированных ФЕ обусловлены характером трансформаций, которые могут изменять как форму, так и значения исходных фразеологизмов. В связи с этим в стилистике наметилась тенденция рассматривать особенности использования ФЕ в речи и художественном тексте с позиций таких изменений, что позволило выявить четыре основных способа употребления ФЕ: использование фразеологизмов в узуально присущим им форме и значении, а также формальные, семантические и формально-семантические трансформации фразеологических оборотов [3, 4, 9].

Такой подход, являясь в целом весьма продуктивным, требует вместе с тем всестороннего анализа формальной и содержательной сторон ФЕ. При этом необходимо учитывать, что фразеологизмы отличаются от других языковых единиц, и в том числе от слова, своей формальной и смысловой сложностью. Именно это свойство ФЕ обуславливает возможность их разнообразных формальных и семантических преобразований.

Формальная сложность ФЕ проявляется в том, что «понятие формы фразеологизма, без которой фразеологизм немислим как самостоятельная единица языка, включает различные стороны формальной характеристики фразеологизма» [17, с. 10], среди которых наиболее значимыми являются **структурная организация, границы и состав компонентов ФЕ**. Структурная организация ФЕ в большинстве случаев отражает синтаксическую модель того словосочетания или предложения, на базе которых был образован данный фразеологизм. Компонентный состав ФЕ имеет количественные и качественные характеристики, которые зависят от количества и формально-семантических свойств слов, образующих данный фразеологизм. Постоянство компонентного состава и устойчивость структуры неоднократно отмечались исследователями в качестве основных признаков ФЕ. «Фразеологический оборот состоит всегда из одних и тех же компонентов, располагающихся друг за другом

в строго определенном порядке» [3, с. 24]. Наличие у ФЕ границ обеспечивает такое ее свойство, как непроницаемость, в связи с чем «основная масса фразеологизмов выступает в виде таких целостных языковых единиц, вставки в которые обычно невозможны» [3, с. 25].

Необходимо отметить, что ни одно из свойств формальной стороны ФЕ в отдельности не является обязательным для всех без исключения фразеологизмов в их узуальном употреблении. В частности, существуют фразеологизмы, допускающие изменения как в количественном составе образующих их компонентов, напр.: *пройти (сквозь) огонь и воду (и медные трубы)*, так и в их качестве, что проявляется в возможности замены отдельных слов в составе ФЕ, напр.: *стоять / встать колом / костью в горле / в глотке*. Структура ФЕ в отдельных случаях также может подвергаться преобразованиям, состоящим в изменении порядка следования компонентов (ср.: *с ног до головы и с головы до ног, сгореть со стыда и со стыда сгореть*) или в усечении отдельных факультативных компонентов фразеологизма (чаще всего его конечной части), ср.: *разводить турусы на колесах и разводить турусы*. Не является обязательным для всех без исключения ФЕ и свойство непроницаемости границ фразеологизма, поскольку некоторые фразеологические обороты могут включать в свой состав лексические компоненты, не изменяющие их семантики и синтаксически связанные с другими компонентами данной ФЕ, напр.: *избиение (беззащитных) младенцев, с (высоты) птичьего полета*. Кроме того, фразеологизм может быть разорван на части словами контекста, когда отдельные компоненты ФЕ стоят не рядом, а в разных местах высказывания, напр.: *кишка (у тебя еще) тонка*.

В связи с возможными в узуальном употреблении изменениями в компонентном составе, структурной организации и границах ФЕ в качестве одной из особенностей формы фразеологизма была выделена ее **вариантность**. Значительное количество допустимых в узуальном употреблении вариантов ФЕ позволяет говорить о вариативности как о черте, свойственной всей фразеологической системе языка в целом. Вместе с тем необходимо отметить, что данный признак ФЕ, так же как устойчивость состава и непроницаемость структуры фразеологизма, не является обязательным для всех без исключения фразеологических оборотов (т.е. существуют ФЕ, не имеющие вариантов), а варианты формы допускают лишь строго определенный круг замен (напр.: *ехать / сидеть на чужом горбу / шее*, но не *на чужой спине (плечах)).

Вариантность ФЕ закреплена в узусе, в связи с чем использование того или иного варианта не изменяет значения фразеологизма. В отличие от варьиро-

вания, разного рода трансформации формальной стороны ФЕ изменяют в той или иной степени и значение этих единиц. Эти изменения могут касаться разных уровней (компонентов) значения фразеологизма.

Многокомпонентность и разноплановость семантики фразеологических оборотов неоднократно отмечалась исследователями этих языковых единиц. Так, например, составители Машинного фонда русского языка предлагают описывать значение ФЕ на основе следующих макрокомпонентов:

- «– грамматическая информация (Г);
- класс обозначаемых реалий, денотативный аспект (Д);
- оценочная информация (О);
- информация об образно-мотивирующих параметрах (М);
- эмотивная информация (Э);
- стилистическая маркированность (С)» [18, с. 5].

Целью данной статьи является изучение связей между элементами формы фразеологизма и макрокомпонентами его значения путем анализа фразеологических трансформаций. Объем статьи позволяет рассмотреть лишь некоторые из способов трансформирования ФЕ, вносящие изменения в отдельные макрокомпоненты значения фразеологических оборотов, а именно в передаваемую ими грамматическую, оценочную и эмотивную информацию.

Выделение **грамматической информации** как компонента значения ФЕ связано с отказом от попыток частеречной классификации этих единиц, когда фразеологизмы описываются с точки зрения эквивалентности их той или иной части речи (см., напр.: [3, с. 52–53]). Вместо этого в грамматическом описании ФЕ предлагается выделять классы: имена предметов, обозначения процессов, признаков, а также единицы, выполняющие строевую и текстообразующую функцию. «Эта классификация основана на коммуникативно-деятельностном подходе, ставящем во главу угла содержательный аспект» [18, с. 45], что позволяет рассматривать грамматические свойства ФЕ как элемент именно их семантики, а не формы (иную точку зрения см. в [1]). В состав грамматического компонента значения ФЕ включается и информация о частеречной принадлежности и семантике морфологических категорий слов в составе фразеологизма.

Изменения в грамматическом компоненте семантики ФЕ могут быть вызваны следующими видами фразеологических трансформаций: 1) преобразованием грамматической формы компонентов фразеологизма; 2) изменением их частеречной принадлежности; 3) образованием окказиональных слов на основе ФЕ.

Изменение грамматической формы отдельных компонентов ФЕ и соответственно их частных

грамматических значений в наименьшей степени влияет на другие макрокомпоненты семантики фразеологизма. Такие преобразования являются по своей сути «парадигматическими и обычно не влияют на (денотативное – Л.Е.) значение. Изменение формы одного из компонентов бывает вызвано условиями синтаксической связи компонентов фразеологизма с другими членами предложения» [1, с. 209], напр.: *телячьи восторги* (Е. Винокуров), *играть словом, опустил крыло* (Н. Тряпкин), *хожу со времени она* (В. Маяковский). Лишь в редких случаях, связанных с использованием глагольных форм, изменение грамматического значения сопровождается изменением синтаксической функции ФЕ, ср.: *уши вянут* и *Зашуршали вириши в вянущих ушах* (В. Соловьев), *работать не покладая рук* и *А работает как! Не покладает рук! Может заработать до смерти* (В. Маяковский), *куры не клюют у кого-л. чего-л. и И будут у него куры не клевать золота* (И.А. Бунин).

Преобразование компонентов фразеологизма в другую часть речи также может привести к изменению его синтаксической функции, ср.: *перегнуть палку* и *перегиб палки* (газет.), *сгореть со стыда* и *горенье от стыда* (Ю. Мориц). Однако в наибольшей степени изменяется грамматическое значение ФЕ при образовании на ее основе нового слова. Полученная в результате словообразовательного процесса лексическая единица сохраняет полностью или частично внутреннюю форму ФЕ и ее денотативную семантику (ср.: *съесть собаку* на чем-л. и *насобачиться*), однако получает новые грамматические характеристики. Этот прием нечасто используется в поэтическом творчестве, но широко применяется журналистами, образующими на основе фразеологизмов и других устойчивых сочетаний слов окказиональные слова, напр.: *велосипедоизобретательство*, *оператявка* (оперативная явка) и т.д.

Оценочная информация (оценочный макрокомпонент семантики ФЕ) «является данностью семантической компетенции, поскольку суждения о ценностях связаны с ценностной картиной мира» [19, с. 40]. Эта информация представляет собой знание «о ценности того, что вычленено и обозначено как объективная данность» и в силу этого «тяготеет к дескриптивному компоненту значения (денотату)» [20, с. 116].

Наиболее распространенным способом изменения оценочного компонента семантики ФЕ и других устойчивых сочетаний слов является их «трансформированное употребление с расширением компонентного состава словами, создающими морально-этическую, идеологическую оценку» [2, с. 64]. При этом количественные изменения претерпевает, как правило, и выражаемая трансформированной ФЕ эмотивная информация, напр.: *исполнять жес-*

токую, печальную, нечеловеческую **роль** (Л. Толстой), **исполнять роль** палача народов (Л. Толстой), **Одни трагические роли играть** на сцене бытия (Н. Некрасов), **мерил жизнь железным аршином** военного коммунизма (В. Катаев).

Изменения в оценочной информации, передаваемой ФЕ, могут сопровождаться изменением словообразовательного и грамматического значений при образовании «слов-derivатов фразеологизмов, отражающих концептуализацию явлений действительности, связанную с их оценкой с определенных мировоззренческих позиций». Вследствие этого «индивидуально-авторские субстантивы в тексте приобретают статус обобщающих символических наименований» [2, с. 65–66] (ср.: *тертый калач* и *калачество тертое* (газет.)), а выражаемая ими рациональная и эмоциональная оценка может изменяться на противоположную той, которую имеет данная языковая единица в узуальном употреблении, ср. пословицу *семь раз отмерь, один раз отрежь*, где содержится совет с положительной оценкой рекомендуемого действия, и окказионализм *семь-раз-отмериватель*, выражающий негативное отношение к субъекту, чересчур усердно следующему этой рекомендации.

Оценочная семантика ФЕ может изменяться и в связи со сменой традиционного объекта оценки. Так, например, выражение *губа не дура* у кого-л. используется обычно при оценке свойств второго или третьего лица. В трансформе *О, ты не дура, далеко не дура, губа моя* (В. Вишневский) объектом оценки становятся свойства ее субъекта, что изменяет эмоциональную окрашенность ФЕ: иронически-отрицательное отношение к оцениваемому объекту сменяется безусловно одобрительным.

На характер оценки оказывает влияние окружающий ФЕ контекст, способствующий изменению или уточнению оценочной информации, передаваемой фразеологизмом, ср.: *Не в свои сани не садись* и *Сани здесь – подобной дряни не видал я на веку; стыдно сесть в чужие сани коренному русаку* (П.А. Вяземский).

Эмотивная информация в семантике ФЕ указывает на «чувство – отношение субъекта к обозначаемой реалии (в диапазоне одобрения-неодобрения)... глубинным представлением этого макрокомпонента можно считать смысл, выражаемый предикатами типа *неодобрение, презрение, порицание* и т.п. или *одобрение, восхищение* и т.д., которые обычно в виде помет сопровождают единицы номинации в словарях» [19, с. 40–41].

По наблюдениям исследователей, в языке «эмоциональная окраска не имеет своих собственных средств представления» [19, с. 49], вследствие чего эмотивный компонент семантики ФЕ проявляется в его взаимодействии с оценочным и стилистичес-

ким значением фразеологизма, а также с информацией об образно-мотивирующих параметрах ФЕ.

Наиболее тесная связь обнаруживается между эмотивным компонентом семантики ФЕ и выражаемой этой единицей оценкой. «Те или иные явления могут оцениваться в сознании носителей языка, общественном сознании как со знаком “плюс”, так и со знаком “минус”. Соответственно слова, обозначающие такие явления, содержат в своих значениях... информацию о социальной оценке явлений, имеют преимущественно эмоциональный характер» [15, с. 27–28]. Вследствие этого «эмоциональная окраска может сопровождать оценку, сливаясь, или амальгируясь, с ней» [19, с. 19].

Во фразеологизмах с выраженной оценочной семантикой изменения в объекте оценке способны повлечь за собой изменение эмоционального отношения к нему, ср.: *хлебнуть через край* – «испытать многое. О нужде, горе и т.п.» и *Крепкого горя немало хлебнуть посчастливилось мне* (А. Межиров). При узуальном употреблении ФЕ *хлебнуть через край* выражает отрицательную оценку и негативную эмоциональную реакцию на нее со стороны субъекта переживания, однако компонент *посчастливилось* в составе трансформированного фразеологизма способствует выражению противоположного рационального и эмоционального отношения к этой ситуации, внося изменения как в оценочный, так и в эмотивный компонент семантики ФЕ.

Связь между эмотивным компонентом значения и информацией об образно-мотивирующих параметрах ФЕ реализуется в том, что «ассоциативно-образная основа номинации... является необходимым стимулом для появления эмоциональной реакции. Без этого стимула оценка не имплицитно чувствует-отношений... в диапазоне “одобрение/неодобрение”» [19, с. 20]. Вследствие этого изменения в образно-мотивирующих параметрах ФЕ могут стать причиной преобразования ее эмотивной семантики. Так, например, ФЕ *всяк кулик свое болото хвалит* характеризуется нейтральной или одобрительной в целом (хотя и с оттенком иронии) эмоциональной оценкой обозначаемой ситуации. Изменения в образно-мотивационной базе фразеологизма меняют эту оценку на резко отрицательную: *Мне грустно наблюдать, как кто-то, о битвах поболтав слегка, упрямо тянет на болото с привычной страстью кулика* (Н. Грибачев).

Эмотивный компонент семантики ФЕ оказывается тесно связанным с ее стилистической маркированностью. «Сам объект высказывания может по-разному окрашиваться в разных стилях. В ряду слов *очи* (высок.) – *глаза* (нейтр.) – *гляделки* (разг. и прост.) – сами объекты представляются разными» [20, с. 27], что определяется эмоциональным отношением к объекту номинации. Вследствие этого

эмотивный компонент семантики ФЕ может быть изменен в результате введения в состав фразеологизма стилистически окрашенной лексики, ср.: *Трудиться в поте лица своего* и *труд в поте морды* (С. Черный), *избиение младенцев* и *Всех младенцев перебили по приказу Ирода, а молодость ничего – живет* (В. Маяковский).

Формальная и семантическая сложность и целостность фразеологических единиц обусловлены разнообразием формальных характеристик этих единиц, многокомпонентностью их семантики, а

также наличием структурно-семантической схемы. Связи между разными компонентами формы и значения ФЕ являются причиной того, что изменения в одном из этих компонентов могут повлечь за собой изменения в одном или нескольких других. Поскольку эти отношения регулярны, их изменение для создания определенного художественного эффекта может осуществляться с использованием некоторых типовых механизмов и приобретают характер повторяющегося стилистического приема.

[Продолжение следует]

Литература

1. Бакина М.А. Общеязыковая фразеология как выразительное средство современной поэзии // Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М., 1982.
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб., 1996.
4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
5. Прохорова Л.С. Сказка Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»: особенности перевода прозаического текста, осложненного игрой слов // Русский язык в современном культурном пространстве. Томск, 2000.
6. Солодова М.А. Текст и метатекст молодежной субкультуры в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
7. Тюменцева Е.В. Прагматические механизмы индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц // Лингвистические парадигмы: Традиция и новации. Волгоград, 2000.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
9. Рыбушкина С.В. Трансформация фразеологизмов и способы ее перевода // Русский язык в современном культурном пространстве. Томск, 2000.
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Фразеология в контексте субкультуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
11. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
12. Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
13. Мокиенко В.М. От автора // Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999.
14. Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию М., 1977.
15. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1982.
16. Телия В.Н. Фразеологизм. Фразеология. // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
17. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
18. Фразеография в машинном фонде русского языка. М., 1990.
19. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Телия В.Н., Графова Т.А., Шахнарович А.М. и др. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
20. Панов М.В. Стили литературного языка // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1999.